

Больше внимания литературной критике

Плануется своего Второго съезда советские писатели внимательно анализируют положение на всех участках литературной жизни. Один из самых важных таких участков — критика. На необходимость ее укрепления указано в ряде партийных документов, в том числе в постановлении ЦК нашей партии о литературной критике и библиографии.

Советскими литературоведами и критиками проделана большая работа по разоблачению чуждых теорий и представлений, по изучению главных этапов истории литературы, созданию монографических исследований о писателях, по разработке многих важных вопросов искусства. Вместе с ростом писательских сил выросли и окрепли литературно-критические силы. Но значение проделанной работы было бы неправильно преувеличивать, ибо критика все еще отстает от жизни, недостаточно активно влияет на развитие литературы, с опозданием и нередко неверно оценивает новые произведения, уделяет мало внимания вопросам теории, слабо борется за художественное мастерство. И ликвидация имеющихся недостатков в дальнейшем росте критики возможны при одном условии: если во всей практике писательских организаций неуклонная требовательность будет сочетаться с живой заинтересованностью в делах критики, с вниманием к ней и заботой о ней.

Именно постоянного внимания к критике не хватает многим писательским организациям и их личным органам. Они мало интересуются жизнью этого отдела творческого, не заботятся о том, чтобы всесторонне рассмотреть его работу, оценить сделанное нашей критикой, ее успехи и недостатки. Не случайно в литературно-художественных журналах в предшествующее время не появилось серьезных статей о состоянии и задачах критики, о творческой деятельности отдельных ее представителей.

Между тем плодотворное руководство литературной критикой невозможно без глубокого знания и внимательного разбора всего литературно-критического «хозяйства».

Не меньшее значение имеет и та атмосфера, в которой работают критики. Закономерны предъявляемые к критикам требования: быть всегда принципиальными и объективными, глубоко и всесторонне разбирать литературное произведение, не допуская бескомпромиссного его «умищления» или же пустых словословий в адрес автора. Но ведь и критическая работа является таким же литературным трудом, требующим к себе бережного отношения. Совершенно нетерпимы имеющие еще место недооценка критики, пренебрежительное к ней отношение. Не секрет, что отдельные писатели считают этот род литературного оружия как бы второстепенным, презрительным, в суждениях о критиках порой допускают несправедливые обвинения, неуважительный тон, предпочитают превращать работу критиков в одном черном свете, не внося никаких позитивных предложений об ее улучшении.

Подобное поведение ничем не оправдано. Вместе с критиками писатели составляют единый фронт идеологического фронта, их долг — работать в тесном сотрудничестве. А. М. Горький писал: «Титул «инженер человеческих душ» у нас относится к литератору. Я думаю, что критик не менее заслуживает этого титула в том случае, если он работает в согласии и сотрудничестве с литератором».

Сила этого сотрудничества — одно из достоинств нашей литературы, которое надо развивать и умножать. В обстановке общей заинтересованности писателей и критиков в судьбах литературы проходили многие писательские съезды в республиках. Но были и факты обратного порядка. На некоторых съездах работа местных критиков подвергалась специально «разносу», и это выглядело особенно странным потому, что речь порой шла не о тех или иных конкретных авторах, а огульно обо всех, и осуждалась их деятельность без всякой аргументации, без анализа статей. Так, на съезде писателей Белоруссии развернулось оживленный, требовательный и одновременно товарищеский разговор о произведениях писателей. О критиках же здесь не было сказано ни одного доброго слова, их работа не была как следует проанализирована, зато им пришлось выслушать немало грубых, ничем не мотивированных обвинений... заумительстве. Годом самых критиков почти не прозвучал на съезде.

К сожалению, некоторые органы печати также повинны в распространении неуважительного отношения к труду критиков. Достоянию публики, что редакция «Комсомольской правды» недавно решила напечатать письмо «А синее море шумит и шумит...», где в применении к одному советскому критику приводятся слова стихотворения о царском уряднике, который стоит на берегу моря и которого «здоба гложет», «что шума унять он не может». Газета «Киевская правда» поместила статью «Кто же виноват в отставании ли-

тературной критики?». В ней серьезные упреки и обвинения не подкреплены доказательствами. В то же время здесь заявлено, что на Украине вообще отсутствуют оригинальные работы по вопросам современной литературы, хотя на самом деле их немало.

И тон огульного «разноса» литературной критики и проявляющаяся иногда стремление противопоставить критиков и писателей решительно противоречат традициям нашей литературы, тем принципам, на которые она опирается. Большой мастер слова всегда внимательно прислушивается к замечаниям, их боится те, кто не очень уверен в своем мастерстве или же вообще недолюбливает критику и самокритику, но всегда благосклонно выслушивает слова хвалы и одобрения. Как нельзя оставлять без осуждения несправильные выступления критиков, которые с ложных позиций или некомпетентно, недобросовестно оценивают художественные произведения, так нельзя мириться и с фактами нетерпимости к критике.

Воспитание правильного отношения к критическим замечаниям и к тем, кто их делает, — одна из задач Союза писателей. Но его руководство плохо заботится об этом. Стоит привести характерный пример. В свое время на страницах «Литературной газеты» обоснованной критике была подвергнута чрезвычайно слабая, вульгарно-пародическая книга И. Гуртова «Эстетические основы советской литературы». В ответ на статью И. Гуртов подал в Союз писателей письмо, содержащее грубую брань в адрес критики и недостойные, беспредельные предположения — не скрывается ли за его именем «замаскированный космополит-подрывник, желающий выжидать известную толщину из трудящихся миллионов». Об этом позорном для советского литератора поступке приходится напомнить потому, что секретариат ЦСР радиозвонком прошел мимо поведения автора письма.

Хозяйское отношение к критике предполагает строгую требовательность к работе занимающихся ею литераторов, нетерпимость к ошибкам и недостаткам. И без этого не в том, что имеющиеся недостатки оцениваются чересчур сурово; наоборот, их нередко замечают слишком поздно. Дело в другом: в необходимости бороться с прехватным отношением к критике, против подмены подлинной требовательности мзкими придирками, интентными и несправедливыми обвинениями.

Принципиальный и деловой разбор творческих взглядов, высказанных авторами некоторых статей «Нового мира», имел серьезное значение для всей советской литературы. Необходимо подробнее и строже рассматривать и труды тех критиков, которые стоят на правильных позициях, но допускают отдельные ошибки, неточности. Надо, однако, отличать людей, отстаивающих ложные взгляды, от тех, кто работает планомерно и в своих творческих поисках совершает отдельные ошибки. Разбор таких работ необходим не для «защиты» авторов, его цель — помочь им в дальнейшем росте. К сожалению, бывает так, что принципиальная товарищеская критика ошибок превращается в «спороботку» критика, его даже перестают печатать. Это не может принести ничего, кроме вреда, ибо такой подход дезориентирует работников, а тех из них, кому не хватает воли и выдержки, заставляет вообще отойти от критической деятельности. Партия учит бережному отношению к литературному творчеству, ко всем его работникам.

Живые люди, кадры — вот кто в первую голову решает дело подбора литературной критики. И вполне понятно, что хозяйское к ним отношение включает в себя заботу об их росте, слючении, организации. К сожалению, Союз писателей СССР и ССР республик слишком мало делают в этом направлении. Снова возникает вопрос о слабости идейно-воспитательной работы с литераторами, о разобщенности критиков, о неправильной организации их труда, недостаточных возможностях для публикации их работ и т. д. Снова приходится говорить о крайней слабости рабочей комиссии по теории литературы и критике, которая не предпринимает практических шагов для того, чтобы выработать соответствующие новым условиям организационные формы объединения критиков и работы с ними, фактически не направляет деятельности критиков в республиках. Мало внимания уделяется моделям критическим силам. Союз писателей совершенно недостаточно полагается за их счет. Почти ничего не делается для привлечения к критической деятельности самих писателей.

Оживление литературной критики — важное условие правильного развития литературного процесса. Это в то же время одна из рентабельных предпосылок создания в Союзе писателей более напряженной идейно-творческой жизни, развертывания дискуссий, плодотворной секционной работы. Нужны общие усилия всех отделов советской литературы, чтобы добиться нового ее роста, новых творческих успехов. И это требует чуткого внимания к нуждам и запросам всех литераторов, а в их числе и критиков.

75-летие С. Г. Писахова

В связи с 75-летием известного писателя-сказочника Севера Степана Григорьевича Писахова правление ССП обратилось к нему с приветствием, в котором отмечает, что его сказки, вышедшие из сокровищницы русского фольклора, глубоко оригинальны. Богатый русский язык, окрашенный в северный колорит, делает их настоящие самоценными. «Как жавой», — говорится в приветствии, — стоит перед нами образ дедушки Малины — рассказчика и героя полных

юмора и поэзии сказок, — образ веселого, смеющегося, богатого народной мудростью русского человека. Он является защитником деревенского трудового люда от посягательства и притеснений власти имущих... Вы умеете мастерски, по-своему «повернуть» слово, да так, что перед читателем возникает целая картина. Немного у нас таких, как Вы, знатоков красного русского слова».

Наши зарубежные гости

Из свободного Вьетнама в Москву приехала делегация деятелей культуры. В Союзе советских писателей СССР под председательством Б. Полевого состоялся встреча гостей с литераторами столицы. Глава делегации Тран Хюй Лье познакомил собравшихся с профессором Нгуен Цином, журналистом До Дык Зук, композитором, автором гимна Демократической Республики Вьетнам Ван Као, поэтом Ту Мо, артисткой Шонг Ким и скульптором Нгуен Тхи Ким.

Гости интересовались подготовкой ко Второму всесоюзному съезду советских писателей и книгоизданием в СССР, рассказали о развитии новой вьетнамской литературы. Тран Хюй Лье говорил о большом интересе к вьетнамским читателям к советской литературе, о значении, которое приобретает для развития вьетнамской культуры встречи с советскими друзьями. — С советскими писателями мы знакомы уже давно: в дни Сопроотивления их книги помогали нам бороться за свободу, — сказал в заключение Тран Хюй Лье. Делегация преподнесла в дар ССП СССР книги вьетнамских авторов, переведенные на вьетнамский язык. Они были изданы в то же время, когда вьетнамцы, печатаясь в лесу на джунглях, изготавливали там же из бамбука

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 127 (3311)

Суббота, 23 октября 1954 г.

Цена 40 коп.

Земля юности — Таджикистан

Таджикистан! Цветущая советская республика, край, который в народе называют землей молодости. Мне, украинскому писателю, особенно радостно праздновать 25-летие Таджикистана потому, что там, в этой чудесной стране, я провел свою юность. В 1932 году, когда я окончил Харьковской автомобильной техникум, ЦК комсомола направил меня на работу в Сталинабад.

Столица молодой Таджикской республики рождалась на месте кишлака Дошамбе. Новый город состоял тогда всего из трех-четырёх прямых улиц с двухэтажными домами, театром, хорошей библиотекой, школами, столовыми, гаражами и караван-сараями. Дальше тянулся старый Дошамбе с лабиринтом таких узеньких улочек, что на них с трудом могли разминуться две ветреные арбы. А за горными перевалами — Гам, Куляй, Товиль-Дора, Вахшская долина...

Я поехал на грузинские в Вахшскую долину, где развирывалось в то время ирригационное строительство, одно из крупнейших в СССР. Не ходя до Курган-Тюбе, на машина прочно застряла в зарослях — тутаях. Дело было осенью, и машина так и простояла до будущего лета. А мы тонули в многотонный пошлый путь до Тулана.

Тулан — город пыли. Впрочем, это название лишь наполовину соответствовало действительности. Судя по руинам, город здесь был очень давно. Теперь на его месте торчали десятки два полуразрушенных мазанок и сотни землянок. Но зато пыли было более чем достаточно. Мелкая, как мушка, она полуразрушила по толщине слоев покрывала тропы и дороги, а в дождливое время превращалась в липкую грязь. И кругом ни одного кустика, ни одного деревца...

Строительство было в полном разгаре. Уже тогда на стройке работало немало машин, но главная нагрузка ложилась на лопату. В самых тяжелых условиях люди трудились неутомимо и самоотверженно. Кажется невероятным, что один землекоп мог вырыть в день из выемки глубиной в 2—3 метра пятнадцатидвадцать кубометров сыпучей земли! Но это было так. И землекопов таких было на строительстве много.

В тот год стояла необычайно холодная для Вахшской долины зима, мороз доходил до 25 градусов. Вахи покрывали шугой. По реке с бешеной силой несся лед. Моста не было. Паромы срывало и разбивало течением. Вахшская долина оказалась отрезанной от всего мира. Машины останавливались — не было горючего. На трассе умуджили паромы — кончилась аммунал. Лошади падали без корма и воды. Работали только люди. Несмотря на мороз, несмотря на голод. Пришлось пожертвовать верблюдами — животными, очень нужными для строительства. Многие старого рабочего вер-

Четверть века назад, в октябре 1929 года, Таджикская автономная советская социалистическая республика была преобразована в союзную. Незабываемо изменился за 25 лет советский Таджикистан. До Октября Таджикистан был бесправной царской колонией, восточной бухарской эмиратом. Благодаря повседневному труду Коммунистической партии, при неустанной помощи великого русского народа и других братских народов Таджикистан успешно ликвидировал хозяйственную и культурную отсталость — вековое наследство феодального прошлого. Сейчас в республике — могучие текстильные и шелковые комбинаты, многочисленные горнорудные и металлургические предприятия, высококачественное многоотраслевое сельское хозяйство, хлопководческие колхозы-миллионы. Расцвела яркая культура таджикского народа, национальная по форме, социалистическая по содержанию.

В дружной семье советских народов, под мудрым руководством Коммунистической партии, Таджикская Советская Социалистическая Республика идет по пути дальнейшего подъема, процветания, счастья.

А какие люди выросли на этой благодатной земле! Они все время ищут, совершенствуют, часто рискуют, но рискуют смело и расчетливо, как истинные советские новаторы. Они много трудятся, и за большие труды им воздается большой мерой. В среднем семья вахского колхозника-хлопковода получает 20—40 тысяч рублей в год, иногда и больше. Кроме того, на трудящемся начисляется хлеб, мясо, мед, овощи, фрукты — все, что обильно родит вахская земля. Колхозы в целом получают доходы до десятка миллионов рублей в год. (Они таджикский колхоз смог построить дворец культуры стоимостью в несколько миллионов рублей. Не знаю, целесообразно ли сейчас строить гигантские сельские клубы с залами, большими, чем в иных городских театрах, но люди живут с радостью, строят по своим средствам, с заглядом в будущее.)

Можно долго рассказывать о чудесах некогда бесплодной Вахшской долины — об изумительных лимонах и апельсинах Вахшской зональной станции, о богатых пастбищах, куда по водопроводу за многие километры подается из высокогорных родников вода, о колхозных детских яслях и садах, которые, право, ничуть не хуже самых лучших санаториев.

Но разве раскрашею о всем великодушии этого края, его плодородия и цветовой! И ведь Вахшская долина — не единственный оазис счастья в социалистическом Таджикистане.

За эти знаменательные 25 лет выросла и расцвела вся республика — ее народ, хозяйство, культура, наука, литература. Республика покрылась густой сетью институтов, театров, библиотек, клубов. В 1948 году в Сталинабаде открылся Таджикский государственный университет. Число студентов в нем за шесть лет увеличилось в восемь раз. В 1951 году основана Академия наук Таджикской ССР. Мы по праву гордимся успехами таджикской советской литературы, литературы, творчески осваивающей великие богатства классиков Востока и России, литературы развивающейся, становящейся все более интересной и разнообразной. Произведения Садриддина Айни, Мирзо Турсун-заде, Мирсады Мирназара и других талантливых поэтов и прозаиков Советского Таджикистана привлекают внимание всевозможного читателя, пользуются популярностью и за рубежом, особенно в странах Востока.

Все советские люди из всех братских республик шлют сегодня искренний привет и пожелание самых больших успехов родному Таджикистану. Пусть земля молодости — Советский Таджикистан!

Платон ВОРОНЬКО

КИЕВ

Мирзо ТУРСУН-ЗАДЕ

„Хасан-арбакеш“

ИЗ ПРОЛОГА К ПОЭМЕ

Наши Дошамбе в те давние года Селом был малолетним и глухим. Еще не подняла его тогда Большая жизнь дыханием своим. Еще не были минувшей войной. На всем читалось горькие следы. Стень голая кругом. Истощены зной Сингал поля, лишённые воды. А справедливую давали тень. Две-три чинары старых ко-где. Напоминали их шедет в жаркий день О свежести, о льющейся воде...

Я рос в детстве. Много нас тогда Там было — обездоленных ребят. Таджикские сырты, в те года Мы были — первый пионеротряд.

И власть Советов выросла нас, Великое грядущее творя... Во времена мы Ленин в первый раз Прочли мы на страницах букваря. И над землей таджикской прозвенел В детстве наш пионерский горн. И прозвучал впервые в тишине, Наш барабан на склонах ближних гор.

Там первых красных галстуков огни Затрепетали... Свет их не погас. И клтва, наша данная в те дни, Всей жизни стала клятвой для нас.

Просторный новый караван-сарай Я вижу под густой листвою чинар. Скрипя, въезжают в глубину двора И выезжают вереницы арб.

А главным средством транспортным Тогда Была у нас скрипящая арба. С ней на крутых дорогах в те года Была вся наша связана судьба.

Почетным было звание «арбакеш» В горах, в долинах — у простых людей. Вот почему неизменно свеж Хасан тогдашний в памяти моей.

— Хасан-лошадник, смерть плохих — дорог — Народ гиссарских сел прозвал его. За то, что он с арбой просить мог Везде, не утрущая ничего. Неделями и месами он, Извозом валюты, в отлучке был. То возвращался — собою нагружен, То — керосин и спички привозил.

Как хлеб, как воздух, стали нам нужны Ученые, знания. Наш великий друг, Родная Партия сынам страны Открыла широко врата наук.

И вот вручили нам однажды днем В большом пакете важный документ, Правительственный.

Доставил невредимыми туда. Где ходит баснословный паровоз. Мы по ущельям ехали глухим, По камышовым зарослям густым. По руслам резвым, глубоким рек, По склонам каменистым и крутым. Вставай за горой гора из тьмы, Там — за рекой еще река текла. За рядом ряд горбатились холмы, Дорога вверх и вниз, летящая, шла. Варзоб остался позади давно И Харанго-гора ушла из глаз. Вот призраком беслым под луной В Гиссаре древнем крепость поднялась.

Из этих стен удрал последний бек. В то утро знамя красное народ Над входом в крепость воздвигнул навеки. В то утро власть Советская пришла И тундидев жадных прогнала. И справедливой грамотой своей Всею землю труженникам отдала. Вдохнула вольно батраки в стране В ту пору первых полевых работ, Когда, как песня солнцу и весне, С чела на землю чистый летял пот.

Ущелье тесное открылось нам, Ущелье Каратаское мое... Веками шло отцов и дедов там Линейный путь житье-бытье. Весной в ущелье воздух напоен Дыханьем расцветающих садов. И там в тени черенен застав. Один из самых бедных кишлаков. Бегут в ущелье быстрые ключи. Как зеркало хрустальное, чисты. Весной на скалах, по лесам арчи Звон куропаток слышен с высоты. Река мчится в пене, молока белей, Река, могучий вечный гуд лесей, Я в хижине убогой бед деревей За каменистым порогом родился.

В ущелье этом в детстве в первый раз Я русского увидел и узнал. Увидел войско братьев, смачных нас И всей душой сочувствовавших нам.

Впервые буквы русские тогда Караданом в тетради вывел я. И слово «справедливость» навсегда Запомнила с тех пор душа моя.

Пред нами реки чистые вдали. Как молоко, в лучах луны текли. Сняли о них с любовью, — ведь они Источник жизни всей твоей земли.

От их неисчерпаемых шедрот Растет наш хлопок, созревает пшеница. Они народ трудолюбивый наш Счастливым делают из года в год.

Вдруг, на закате, к тучам заревым За пороготом пыль завилась столбом. Потом, вярча, густой пуская дым, Явился быстро движущийся дом. И это диво поднялось к нам, Обдавши гарью тихие сады. Не сыбло ни соломы, ни зерна, А испалося бензина и воды. Смотреть на чудо, все дела забыв, Сбрасывая люди, Дети, старики, От удивленья губы прикусили. Кружились у колес, как мотыльки.

Был это первый новый грузовик. Он богатый силой колес. Без дощелей, прихвачен из Москвы, Нам талисман в груди своей привез.

Машина через несколько минут Остановилась. Видно, что-то в ней Испортилось. Развеселился тут Хасан. «Чу-чу!» — он закричал. — «Эгей!»

Сигрия, брэнча, стоящий грузовик Арба хасанова обогнала. Бедняга, верно, думал в этот миг, Что всюду прогретит ему хвала...

Создание бессловесное он гнал, Ученые поворачиваясь к нам. Он сердце нас с печенками смешал, Тряса немилосердно по камням. Хасан не слышал нас, забыл про нас, — Хлестал коня. И, в ликоvané лют, Все наши внутренности он растрял. Как осьминожку орешину трысл.

Но скоро наступил конец гоньбе, Догнал нас и, обхватив стороной, Умчался грузовик, И на арбе Остались мы один, в пыли степной.

На той арбе, с Хасаном на коне, Молчаливым всю дорогу мы тряслись. Семь тягостных ночей. И, наконец, До цели чуть живые добрались.

Впервые тут предстал моим глазам Стоящий под парами паровоз... В последний раз к нам обратился Хасан. Напутственное слово произнес:

«Вот этот самый город есть Термез. Здесь — останова и конец пути Для нас, арбчиков из разных мест... Отсюда мне обратно — груз везти.

Когда, ученые кончив, вы домой Поедете, я буду точно, в срок К услугам нашим со своей арбой Здесь я и конь — хозяйва доро!»

Отсюда до Москвы на всем пути Выходит поездов.

В просторах, что ни взглядом обесси По рельсам ездить равно и легко.

Перевел с таджикского В. ДЕРЖАВИН

Международные отклики

ВЕРМАХТ ПОД НОВЫМ ФЛАГОМ

Сегодня в Париже заканчивается по определению буржуазной печати, «большая дипломатическая неделя». Она завершается подписанием многочисленных соглашений, протоколов и дополнений для превращения в жизнь решений лондонского совещания о новом плане вооружения Западной Германии.

Лондонское совещание, как известно, приняло план, лишь по форме отличающийся от провалившегося проекта создания «европейского оборонительного сообщества». По новому плану, военный блок, в составе которого предполагается вооружить Западную Германию, получит название «западно-европейского союза». В эту группировку войдут Англия, Франция, Бельгия, Голландия, Люксембург, Италия и Западная Германия.

Чтобы оформить принятие боннской республики в новый военный блок, а заодно и в старый, Северо-атлантический, представители трех оккупировавших ее держав (Соединенные Штаты, Англия и Франция) согласились предоставить ей «суверенитет». Но что это за «суверенитет»? Даже американское агентство Ассошиэтед Пресс называет его «почти полным суверенитетом» или «суверенитетом с ограничениями». В действительности же этот суверенитет на бумаге. А на деле — Западная Германия остается оккупированной на десятилетия.

Это обстоятельство некоторые западные политики и пропагандисты стараются изобразить в глазах французского общественного мнения, как главную «грантику» от угрозы со стороны восстанавливаемого вермахта. Гарантия эта, конечно, призрачная. Ведь Западная Германия уже теперь разрешается создать и вооружить армию численностью в 500 тысяч.

Столь же иллюзорными являются и другие «грантинки». Сюда относятся соглашения о «потоплении численности» личного состава вооруженных сил стран — членов «западно-европейского союза», о контроле над вооружениями, о запрещении Западной Германии производить атомное оружие и т. п.

Но помнит историю возрождения германского милитаризма в период между двумя мировыми войнами, тот без труда определит цену этим «грантинкам». Они придают им не для того, чтобы предотвратить новые агрессивные авантюры западногерманской ревизионистской воюющей, а в целях обмена общественного мнения.

Этой же цели, по расчету заокеанских организаторов нового вермахта, должна послужить и та дикорванная поспешность, с какой готовились в Лондоне и Париже проекты и окончательные тексты соглашений и протоколов. Расчет несложен. Он состоит в том, чтобы не дать народам Франции и других стран возможности разобраться в коварной сущности всех этих соглашений и протоколов о «суверенитете», «грантинках» и «контроле». Разобраться так, как они разобрались в истинной цели договора о «европейском оборонительном сообществе».

Чтобы получить во дворе Шайо согласие французского правительства на вооружение Западной Германии под новым флагом «западно-европейского союза», на представителях Франции было оказано сильнейшее давление. «Никогда Франция не котировалась так низко», — писал по этому поводу позавчера директор правых буржуазных газет «Фигаро» Даллес не согласился даже на то, чтобы распределение американской военной помощи «западно-европейскому союзу» находилось в компетенции предложенного Мендес-Франсом «пула вооружения», состоящего из участников союза. Даллес не захотел выпустить из своих рук это орудие давления на Францию и другие страны.

Соглашения, разработанные во дворе Шайо, призваны развязать руки боннским милитаристам и предоставить им свободу вооружаться и участвовать в военных блоках.

ВЫХОДКА МИСТЕРА ЛОДЖА

Недавно министр иностранных дел Китайской Народной Республики Чжоу Эньлай направил телеграмму в ООН по поводу агрессивных действий США в отношении китайской территории Тайвань.

Это привело мистера Лоджа — американского делегата в Организации Объединенных Наций — в состояние крайнего раздражения. Он немедленно обратился к генеральному секретарю ООН Дату Хаммаршельду с письмом, в котором потребовал, чтобы китайский документ ни в коем случае не был распространен среди делегаций. Однако Хаммаршельд не внял этому окрику. Тогда Лодж обвинил генерального секретаря в том, что он действовал неправильно, распространив текст телеграммы после того, как США просили не делать этого. Американский делегат демонстративно отказался принять копию этой телеграммы.

Грубая выходка Лоджа удивила делегатов ООН. Они, по словам обозревателя Ассошиэтед Пресс, расценили ее как ребячество, другие же, в частности, бездельники выжили на отсутствие дипломатического такта у представителей государственного департамента как в Нью-Йорке, так и в Вашингтоне, а третьи сочли ее просто необъяснимой.

Что же вышло из себя мистера Лоджа? Может быть, действительно генеральный секретарь поступил неправильно? Нет, оказывается, не в этом дело. За последние 4 года Китайская Народная Республика «направила членам ООН через аппарат генерального секретаря 33 телеграммы, и эти телеграммы были распространены, что вошло в практику и стало обычной процедурой», — указывает обозреватель агентства Ассошиэтед Пресс Робертс.

«Г-н Лодж рассчитывал, что его окрик возымлет действие и другие делегаты будут лишены возможности ознакомиться с телеграммой Чжоу Эньлая. И просчитался. Американский дипломат поставил себя лишь в нелепо-смешное положение. Тот же Робертс, говоря о выходке Лоджа, вынужден признать, что «проявляя такое раздражение... США делают повод, особенно в Азии, заподозрить, что их сокрытие нечестно».

Однако «книжастая совесть» оказалась для мистера Лоджа плохим советчиком, а метод диктата и грубого нажима — плохим дипломатом.

ЛИТЕРАТОР

— Видели ли вы, как могучие лососевцы, в расцвете своих сил, беспомощно топчут у самого берега?.. И даже человек не мог им помочь.

— Что же это было — омут? — Нет. Гораздо хуже. Утки и дикие гуси, садясь на такой пруд, тоже гибнут. Сено, скошенное вблизи, нельзя давать на корм скоту.

— Так что же это за пруд? Существует ли таков в природе? — К сожалению, существует. Об этом я и хочу рассказать. На нефтеперерабатывающих заводах...

Пожилый неунывающий человек замочил, собираясь с мыслями... Как часто это бывает, в редакцию пришел изобретатель. На сей раз не вытаскивал из фанерного бумажника ни готовую модельку оригинального насоса, ни чертешку другой машины, которой не дал хода в жизни, но зато вынул из кармана бумажку изобретателя; но раскладывались на столе резны новой, более совершенной геометрии, не нашедшие достойной оценки в научно-исследовательском институте. Но разговор, как неожиданно начавшийся с лосей и перешедший вдруг к нефтепереработке, воскресил сразу же знакомые образы противников нового, которых еще можно иногда у нас встретить.

Это выносят люди просто равнодушные, с «рыбьей кровью», чаще — ленивые, берущие себя от лишнего хлопот. Они и новому-то сопротивляются по-своему: тянут, кладут под сукно, перебарывают из комиссии в комиссию, рассылывая на естественную устойчивость человека, вышедшего из комиссии, расклевывая на естественную устойчивость человека. Реже попадаются убежденные противники нового. Те активны и изобретательны.

— Торопись, возмущусь, что ты не уловил самой сути (ведь сколько уж раз, так и не дождавшись, отмахивались от него), наш посетитель выписывал на клочках бумаги химические формулы, набрасывал схемы и таблицы с результатами предельных опытов. Мы слышали слова «сернистый ангидрид», «серная кислота», и постепенно, если так можно сказать, «тайна» черных вредоносных прудов раскрывалась.

— До сих пор не удавалось рационально использовать остающийся после переработки нефти вредный отброс — кислый гудрон. Пытались уничтожить. Но при сжигании его выделяются газы, разрушающие аппаратуру и отравляющие воздух. Пытались отделить другими способами: сульфидом в море, в реку. Сбрасывали в амы или именовались поблизости ураганы. В дождь или в половодье вода поднимает оттуда кислый гудрон, выносит в реки и водоемы, загрязняет их, губит рыб...

В далекие дни, когда И. Давлишвили начал свои поиски рационального использования так называемого вторичного сырья в нефтеперерабатывающей промышленности, он был мажорным научным сотрудником Института нефти Академии наук СССР. Молодого инженера возмущал варварский способ использования остатков переработанной нефти, он не хотел мириться с тем, что кислый гудрон — отброс для заводов, источник неприятностей для поселков, близ которых имеются гудронные хранилища, угроза для живой природы.

Давлишвили предложил способ превращения имеющегося в гудроне сернистого кислоты в сернистый газ. Можно получать еще и смазочное масло, нефтетопливо.

Шли годы, все более развивалась и крепла наша промышленность, много полезных предложений наших изобретателей, инженеров, ученых превращались в жизнь. Могло бы уже давно принести пользу и предложение Давлишвили. И оно обсуждалось, рассматривалось на технических совещаниях, в том числе специальной комиссии Академии наук СССР. И только в недрах Министерства нефтяной промышленности Давлишвили встречал упорное нежелание внедрить предложенный способ переработки гудрона. И отсюда — новые комиссии, новые споры. Накапливался кислый гудрон на предприятиях, старел изобретатель...

— Много возникло у нас вопросов в связи с грустным рассказом инженера Давлишвили. И один из них, быть может, самый неуловимый: как могли работники министерства больше десяти лет откладывать полезное предложение, даже не пытаясь проверить его на экспериментальной установке? Чтобы получить ответ, мы направились в Главное управление нефтепереработки Министерства нефтяной промышленности СССР. Вот что удалось выяснить.

Да, кислый гудрон и сегодня еще рационально не используется, и в наши дни он продолжает накапливаться. Например, три года назад на одном из южных заводов хранилища кислого гудрона были настолько переполнены, что он разлился. Да, кислый гудрон — действительно большая беда!

Но в то же время это и реализованное благо. В министерстве не отрицают, что в кислом гудроне имеется в среднем до тридцати пяти процентов серной кислоты, очень нужной, например, в целлюлозно-бумажной промышленности.

Целлюлоза, столь необходимая стране бумага, искусственный шелк, полученный из смол, — да разве не стоит ради этого попробовать отнять у ничтожно пропадающего в амы и ураганы кислого гудрона стопроцентный сернистый газ? Вряд ли кто-нибудь усомнится, что, конечно, стоит, обязательно следует. Но...

В Министерстве нефтяной промышленности известно о письме президента Академии наук СССР академика Несмеянова и бывшего министра бумажной и деревоперерабатывающей промышленности тов. Воронова, которые просили рассмотреть вопрос об организации опытной установки для переработки кислых гудронов по методу инженера Давлишвили. Вот и еще документ, находящийся в архиве министерства: заключение Нефтяного института Академии наук Азербайджанской ССР. В нем предложение Давлишвили признается новаторским, признается также, что «представленный экспериментальный материал вполне достаточен для проектирования опытно-промышленной установки». Вот и подпись директора института кандидата технических наук Аллена, председателя экспертной комиссии, созданной по поручению технического управления министерства, подписи научных сотрудников института Еремина, Маргаряна, Петрова, Тер-Григоряна, Каракурки...

Казалось бы, чего же еще надо? Признать за дело, проектировать и строить опытно-промышленную установку, подумать о том, как лучше использовать предложение советского инженера. Ну, что еще?.. Следовало бы, конечно, ко всему этому еще и проверить, как выполняется приказ по министерству (№ 623), в котором заместителю министра В. Федоров запретил «интерпретировать и учреждением выносить на свалку или уничтожать неиспользуемое вторичное сырье».

Куда там! Начальник технического отдела Главного управления нефтепереработки Вячеслав Николаевич Нажитнов, человек, который по долгу и по совести каждый день должен бороться за новое, внимательно относился даже к самой малой крупице полезного в любом рационалистическом предложении, — этот человек говорит о способе инженера Давлишвили неприязненно, не сдерживая раздражения.

— Давля идея! Ничем не подтвержденная, хотя бы литературой или известными нам исходными данными. Не содержит подробного технологического метода.

Правда, тут же Нажитнов вынужден был признать, что глава не помог Давлишвили ни в расчетах, ни в проведении опытов. Но это отнюдь не ошибка, утверждение Нажитнова. Глав и не обязан помогать научным работникам в их изобретательном предложении.

Нажитнов не смущает даже такой факт: когда работники Батумского завода на свой страх и риск пытались организовать частичную проверку предложения Давлишвили, глава ничем не поддержал этого эксперимента. Он проводился по-кустарному, без должного оборудования, и опыт был скопал.

Нет, в министерстве не огорчились, скорее обрадовались. Ведь представлялась возможность покончить с предложением Давлишвили раз и навсегда. Так и сделали.

Руководитель Нажитнова, начальник Глав Бодырев говорит: — Я бы не хотел иметь отношения к предложению Давлишвили. У него ничего не разработано — один только идея. А у нас нет специалистов по делу, которые предлагали Давлишвили.

Так ли, товарищ Бодырев? Разве нельзя подхватить полезную для народного хозяйства идею и помочь оформить ее инженерно, внедрить в жизнь?

В министерстве любят поговорить о новой, более совершенной селективной очистке нефти, не дающей вредных отбросов. Этому методу принадлежит будущее. Но странной выглядит попытка столкнуть два предложения: при помощи одного вещества — хотят избавиться от другого, тоже полезного в данное время.

Дело, очевидно, заключается в том, что у некоторых работников Министерства нефтяной промышленности есть стремление поделить все на «свое» и «чужое». Так и с пришедшим извне предложением Давлишвили.

Для этого и придумывают, вопреки здравому смыслу, «двояки»: то будто бы стоимость промышленной установки очень велика, то будто полезность метода Давлишвили не подтвердилась, то вдруг утверждают, что для промышленных установок нет сырьевой базы, то есть, мол, запасы кислого гудрона ничтожны и не пополняются...

Досадно, что под некоторыми подобными утверждениями поставил свою подпись заместитель министра тов. Рыбачков. Он подписав бумагу, не виновник как следует в существо дела. Например, о запасах гудрона. Или корреспондент побывал на одном из заводов.

— И вот он, этот черный пруд, огромное хранилище, переполненное жидким, еще не остывшим гудроном. Грузовые машины непрерывно подвозят сюда отходы завода. Вдали, в низине, видны незаконченные, не укрепленные камнем земляные вазы. Это для того, чтобы кислый гудрон не сползал в местную реку. Защита весьма слабая. Об этом тревожится директор завода тов. Назаров. Он сказал, что министерство проявляет равнодушие к строительству крепких ограждений для дамб.

Таким образом, кислый гудрон накапливается, топ. Рыбачков и накапливается не только на одном заводе.

Предложение Давлишвили требует и инженерного оформления и усовершенствования, требует проверки. Но работники Министерства нефтяной промышленности продолжают воплотку.

Творец истории

Правда — депза и основа всей нашей литературы, всего нашего искусства. Историческая правда — незаменимая основа нашей художественно-исторической литературы. Советские писатели в лучших своих произведениях строго следуют в этом отношении традициям классицизма.

Говоря о задачах писателя, берущегося за историческую тему, Пушкин подчеркнул: «Его дело воскресить минувший век во всей его истине». Это пушкинское положение нашло теоретическое обоснование в статьях Белинского и Добролюбова. Благодаря правдивому, подлинно реалистическому изображению прошлого исторический роман классицизма явился шагом вперед в художественном развитии человечества.

Классики всей совокупностью своих образов возражали против «холодного призрака в королях и героях» (Пушкин), у них была своя переломная историческая концепция, связанная с признанием важной роли народа в исторической жизни. Однако до конца реализовать ее они не могли, — для этого не было еще объективных, общественных и научных предпосылок, в силу чего ими не была полна и широко обрисована роль народа, как решающей силы, творца истории.

Белинский писал, как известно, что исторический роман есть как бы точка, в которой история, как наука, сливается с искусством. Но ведь история, которую он имел в виду, была крайне далека от настоящей науки, расширяющей действительные исторические закономерности.

В советском историческом романе водно сливаются искусство и марксистско-ленинская историческая наука. Образное мышление лучше науки писателя органически сочетается с самостоятельной исследовательской работой. Назовем С. Забона с его трактатом движения Разина, приобретшего новый размах благодаря слиянию с крестьянским восстанием. Или М. Ауэзова, давшего в романе «Абай» своего рода энциклопедию жизни дореволюционной кочевой степи.

Такой характер творчества позволяет нашим писателям дать исторический процесс во всей его целостности и многогранности. Оттого в советском историческом романе образы деятелей прошлого поселяются во всей исторической значимости, в главном деле своей жизни, без анекдотических прибавлений, до которых так любят жаждущие сенсаций обыватели, но вместе с тем жизненно ярко, с присутствующими им характерными индивидуальными чертами. Оттого, далее, нашему историческому роману принципиально чужды любые личности: великие люди, показываясь, лишь тогда оказываются на высоте своего исторического призвания, когда их мысли и действия соответствуют назревшим потребностям общества.

Народ, трудящиеся массы все отчетливее выдвигаются нашими писателями как основа художественного повествования о прошлом. «Морского дела старателя» в романе Ю. Германа «Россия молодая», крестьянские «полюбовные» в «Переяславской раде» Н. Рыбака, русские переселенцы и местные жители, охотники и рыболовы в трилогии П. Задорнова — эти и им подобные «несамые» герои, те, кто создает своим трудом нечеловеческие материальные и духовные ценности, те, кто обороняет родную землю от захватчиков, кто упорно борется против «собственных» угнетателей, прочно овладевая ключевыми позициями в нашей художественно-исторической литературе.

Поэтому-то в ней все яснее слышится голос самого народа, его оценка исторических событий. Своеобразное звучание, скажем, «Россия молодая» в немалой мере зависит от того, что все происходящее в романе и поведение бояр и иноземцев, и начинания Петра и его окружения, и кровопролитная война со шведами, — как бы освещено с точки зрения народных «сказок». Отнюдь не безликий фол представляет народные массы в «Переяславской раде»; у Мартина Тернового, Нечирова Галайды, Гулай-Дия своя линия в романе, и именно тому, что она выделена писателем с такой четкостью, его произведение обязано своей силой.

Концентрируя свое внимание на историческом творчестве народа, показывая сложное взаимодействие масс и исторических героев, писатели получают возможность убедительно, образно вскрыть становление лучших черт национального характера. Это сделал А. Антоновский в «Великом Моурмане», Н. Рыбаком, М. Ауэзовым, П. Задорновым и другими в уже названных книгах.

Существеннейшее достижение советского исторического романа — выявление неразрывной связи между патристическими и революционно-освободительными традициями народа. Как ярко показаны, например, у С. Забона слабость, несерьезность правительств Алексея Михайловича в отстаивании коренных интересов русского государства и непоколебимая твердость «матешников» и «кумьтанцев», не допускающих и мысли о каком-либо ущербе для «державы». Наши писатели, рисуя народные массы, народные низы и не скрывая их исторически обусловленной ограниченности, прежде всего видят в них источник и двигатель исторического прогресса. Это — самое главное в советском историческом романе, и в этом в первую очередь заключается его новаторство.

Не отступать от правды

Общезвестно, что, когда писатели наши отступали от исторической правды, они терпели поражение и как художники. Это происходило под воздействием различных идеалистических и формалистических теорий, под влиянием ингибиторных взглядов «скальда» М. И. Покровского или не менее вредных воззрений двойителей «зудущих» историю, упорно сглаживавших классовые противоречия в старой России.

Вспоминается, что вскоре после Первого съезда писателей появился роман, в котором возмущался не кто иной, как... Лезминский И. Что же касается Московской Руси XVII века, то она безоговорочно объявлялась «диким камнем», который «стоило землям давить»; для того, чтобы сдвинуть его с места, и понадобилось бы вмешательство польско-лихтенбургских интервентов, выступавших здесь в качестве носителей «высшей» культуры.

Заметки об историческом романе

Или вот другой роман, появившийся десятилетием позднее. В нем качества возмущали экстремистский фаворит Потемкин, в деятельности которого оправдывалось все, вплоть до «потемкинских деревень», понадобившихся якобы «для пользы вышей отечества нашего».

И исторический натурализм, и антиисторическая апологетика царей и великих сойских в основном нашей литературой преодолены.

Однако даже до сих пор кое-кто из писателей лишает иных своих героев исторической конкретности, старается приблизить их к передовым людям нашей современности. Этот недостаток свойственен, в частности, образу петровского офицера Ивелева в «России молодой». Крайнее выражение тенденции эта нашла у молодого автора Я. Кошкиной в ее повести о Л. Толстом, который старательно «подтягивается» к революционерам.

Историю нельзя ни улучшать, ни ухудшать. Однако попытки задним числом приукрасить старые заблуждения еще делаются. Показательна в этом отношении статья В. Каверина о Ю. Тынянове («Литературная газета» от 19 декабря 1953 г.), где предпринята попытка «реабилитировать» «Смерть Вазира-Мухтара», защитит от развалившихся в свое время серьезных упреков критики. «В романе «Смерть Вазира-Мухтара», — утверждает В. Каверин, — перед нами не хрестоматийный «классик», а друг декабристов, оравленный горечью их неудачи, автор запрещенной комедии, так и не увидевший ее ни в печати, ни на сцене».

Думается, что «реабилитировать» этот роман Ю. Тынянова не следует. Всей логикой повествования он утверждает бессмысленность, беспечность и декабристского движения и самого восстания 14 декабря 1825 года.

По Каверину, тыняновский Грибоедов — «друг декабристов, оравленный горечью их неудач». В романе, однако, мы читаем о Грибоедове другое. «Он был как мужика освобождён? — спрашивает он Бурдюка, декабриста, оставшегося верным своим идеалам. — Вы бы хлопотали, а деньги бы выжили... И сказали бы вы бедному мужику россиянку: мажине братья... временно, только временно не угодно ли вам на барщине поработать? И Кондратий Федорович (Нышев, — Г. Л.) это назвал бы не крепостным уже состоянием, но добровольной обязанностью крестьянского сословия. И, верно, гимн бы написал».

Как видно хотя бы по этому примеру, образ Грибоедова у Тынянова тенденциозно снижен и искажен.

Безусловно, Ю. Тынянов — талантливый писатель, многое сделавший для развития советского исторического романа. Но отсюда вовсе не следует, что можно закрывать глаза на его отнюдь не случайные ошибки, возникшие в результате применения формалистического метода «ограждения», усложнившиеся в условиях, когда имели распространение антинаучные, вульгарно-социологические «концепции» «лихолетья» Новорова.

Творческий почерк

Всемерно отстаивая историческую правду, как основу советского исторического романа, нельзя, разумеется, все сводить к тому, правильно или же неправильно с исторической точки зрения написана та или иная книга. Однако многие критики только этим и ограничиваются. Важнейший вопрос о соотношении истории и художественного многообразия до сих пор в критике изучен слабо. Между тем такие писатели, как А. Толстой, А. Чапыгина, О. Форш, Ю. Тынянов, А. Новикова-Прибоя, В. Ян, С. Бородин, А. Антоновская, В. Шинкова, С. Голубов, С. Злобин, П. Рыбак, М. Ауэзов, С. Айги и другие, и по отбору материала и по своей манере воссоздания исторического прошлого резко отличаются друг от друга.

Следует прежде всего отметить тематическое разнообразие наших художественно-исторических книг, несомненно имеющее богатство самой исторической жизни народа, богатство его исторического опыта. Одним писателем привлекает тема государственного строительства России, другим — тесно переплетающаяся с ней военнопатристическая тема, творческое воображение третьих занимает стихийные крестьянские восстания против крепостников, четвертая группа писателей сосредоточивается на образах людей литературы и искусства, гениальных творцов национальной культуры.

Нужно, однако, оговорить известную условность этой классификации художественно-исторических книг по тематическим признакам. Как указывалось в главнейшем отличительном чертам советского исторического романа относится стремление всесторонне воспринять исторический процесс. Чем крупнее исторический деятель, выведенный писателем, тем шире и разностороннее его связи с исторической действительностью. Поэтому и для «Петра Первого» А. Толстого, и для «Дмитрия Донского» С. Бородина, и для «Емельяна Пугачева» В. Шинкова, и для ряда других наших исторических романов характерна их многоплановость.

Есть в нашей художественно-исторической литературе и досадные «объемы пятна». Не создано сколько-нибудь заметных произведений о великих революционных демократах — Белинском, Чернышевском, Добролюбова. Мало книг о претарском революционном движении. Робко освещается зарубежная тема.

Проблема эти, надо думать, со временем будут восполнены. Но при всем том советский исторический роман отличается своим богатством и — что очень важно — богатством выразительных художественных средств, своеобразно применяемых различными писателями.

Мастерство, яркими красками обрисовав Петру Первому с его «беленками» темперамент А. Толстым; по-времянему противоречив и в то же время неустрашим и у него же Иван Грозный в одиночной драматической повести; углубленный психологизм присущ роману О. Форш «Отцы и дети»; во многом близок фольклорным героям-богатырям Салават Юлаев С. Злобина; необычно сочетает элементы исторического повествования и личных

мемуаров «Цусима»

А. Новикова-Прибоя. Наглядно показать в газетной статье особенности творческого «почерка» исторического романиста, разумеется, задача нелегкая. Укажем здесь лишь на такое художественное средство, как юмор, irony, к которым нередко прибегают наши писатели в своих исторических романах.

У В. Шинкова мы встречаемся с незабываемым, подчас грубоватым, «просто-родным» юмором, заставляющим нас вспомнить, что автор «Емельяна Пугачева» является также и автором многоцитируемых «шутейных рассказов».

Иначе совсем звучит тонкая, язвительная ирония в «Путешествии» Ю. Тынянова. Особый вид иронии отличает роман С. Бородина «Дмитрий Донской». Вот отрывок из этого романа, показывающий, что Дмитрий у Бородина представляется «черному» люду не только как вождь, несущий избавление от ненавистного татарского ига, но и как феодальный владыка, более «милоостивый», нежели другие.

«Хороший хозяин князь Дмитрий Иванович! Спали люди в избах на полу, на войлоках. Низко спать лучше — поверку ли и чад холит, а вину воздух легче. Ели в трапезной за столами, а не на полу, как воидеос в прежних полах. Чапка полагалась одна на шестерых — тоже милостиво: сваю не было... Лета давали досыта, платили при нужде блины не до немощи, а лишь вмогуту».

В этих простодушных рассуждениях людей XIV века истинно проступает иронический подтекст, доступный, понятно, только современным советским читателям.

Вымысел и домысел

Один из основных вопросов писательского мастерства в историческом романе — это вопрос о месте и роли в нем художественного вымысла. Еще Пушкин отмечал: «В наше время под словом роман разумеется историческую эпоху, развитую в вымышленном повествовании».

Спрашивается, однако, какой именно вымысел в художественно-исторической литературе оправдан и целесообразен? Практика лучших наших писателей показывает, что не к чему быть педантами и требовать непременно фактической точности в деталях, хотя бы и существенных для научного исследования. У А. Толстого, например, сменяются во времени, сближены между собой такие события царствования Ивана IV, как смерть первой жены Ивана Анастасии, опала Сильвестра и измена князя Курбского. Но это не воспринимается нами как анахронизм, нарушающий историческую правду. Как раз благодаря сгущению, концентрации исторических фактов писатель получил возможность более красочно и доходчиво воссоздать ход борьбы царя с реакционным боярством.

Историческая правда в художественной литературе заключается в правильном раскрытии смысла эпохи, и все «вольности», которые писатель допускает, должны быть подчинены этой основной задаче.

«Реликвии» тыняновского Грибоедова Бурдюку не потому только вызывают протест, что их на деле не было, а потому, что они противоречат образу поэта, противоречат исторической правде, взятой не в узко документальном, а в широком, философском, так сказать, смысле слова.

А вот с Н. Рыбаком вряд ли кто станет спорить, когда он в «Переяславской раде» заставляет Богдана Хмельницкого казнить свою вторую жену шляхтянку Елену Чалдицкую, как лазутчицу поляков, агента негодит, хотя действительная причина казни Елены осталась неясной. Но домысел автора художественно оправдан, так как он помогает рельефнее охарактеризовать всю напряженность обстановки, в которой действовал гетман.

Оправдан вымысел и в «Степане Разине» С. Злобина, где своеобразно трактуется получивший широчайшую популярность эпизод с персидской княжной. В некоторых произведениях Разин изображался в виде какого-то разгульного ухажера, толпящего свою любовницу из-за несметных богатств. У Злобина княжна — не наложница, а заложница атамана. Он надеется выменять на нее своих товарищей по персидскому походу, понахвывая изен к отцу князю. Но вот до Разина доходит весть, что хан Менеды, отец Зейна, перебил всех пленников. Тогда разъяренный Степан приказывает весь персидский лагерь топтать в Волге, а вместе с пленниками топить также и княжну.

Здесь, как, впрочем, зачастую в нашей художественно-исторической литературе, вымысел переплетается с домыслом, с попыткой разгадать скрытые мотивы и побуждения, руководившие историческим героем. Вымысел в историческом романе, следовательно, не просто выдумка, а средство объяснить историческое явление.

Роман или хроника?

Советская художественно-историческая литература закономерно тяготеет к монументальным формам. Стоит, однако, задуматься над тем, всегда ли уместно до расширение объема исторических романов, которое у нас нередко наблюдается.

Иные писатели стараются ввести в свои книги возможно больше материала, забывая о важнейшем художественном принципе — принципе отбора. Упрек этот относится даже к таким значительным произведениям, как «Сеvastопольская страда» С. Сергеева-Ченцового и «Емельян Пугачев» В. Шинкова. Или взять роман А. Антоновской «Великий Моурман», седьмая часть которого вышла в прошлом году. Словесная ткань этого романа отличается своей добротностью, в нем дан впечатляющий образ великого грузинского правителя Георгия Саакадзе. Однако читателю книга за книгой и видится, что хотя факты все еще накапливаются, сменяют друг друга, но никак не спорит о том, нужно ли роман о Саакадзе и его эпохе превращать в полное его жизнеописание. Это, конечно, вопрос дискуссионный, но напомним, что А. Толстой свой роман о Петре не собирался оканчивать смертью героя: «Роман хочу довести только до Полтавы, может быть до Прутского похода, еще не знаю. Не хо-

что мне с ними со старыми делать?»

Не случайно растрянностью, излишней детализацией страдают чаще всего произведения, лишенные четкого сюжета, так называемые «исторические хроника». Какую же роль играет сюжет в историческом романе, не будет ли он здесь выглядеть искусственным?

По классическому определению Горького, сюжет является существеннейшим элементом литературы: это «связи, противоречия, симпатии, антипатии и вообще взаимоотношения людей — истории роста и организации того или иного характера, типа». В лучших советских исторических романах герои с каждой главой меняются, вырастают, выявляют доподлинную свою суть, причем складываются характеры их в сложных взаимоотношениях с окружающими, в столкновениях, в борьбе, которая одних разделяет, других сплачивает.

В «Петре Первом» развертываются сюжетные события, показываясь вымышленные семьи — Бровкиных и Буиных. В «Дмитрии Донском» — взаимоотношения великого князя Московского с разанским князем Олегом и смелым Киприлом. В «Степане Разине» автор, используя и лейтмотивные факты и вымысел, устанавливает сюжетные связи между реально существовавшими лицами. Так, подросток Степан сперва с уважением относится к своему «крестному» — умному и властному донскому атаману Корнелию Ходякову. Затем разворачиваются события, то отталкивают друг от друга, то снова сближают меж собой этих персонажей, пока, наконец, дело не завершается окончательным их разрывом. Логика классовых борьбы оказывается сильнее личных отношений.

Как видим, исторический материал вполне поддается сюжетной организации, в результате чего усиливается художественное воздействие произведения.

Но не всегда «сюжетность» в историческом романе на месте. В некоторых эпизодах первого издания того же «Степана Разина» стремление автора к сюжетной законченности привело к «обывательности» материала, не оправдавшему идейной сущностью романа. Стараясь все сюжетно закрутить, автор слишком тесно связал историю гибели Разина, историю пленения его казачкой старшиной с историей любви Степана к стрельчачке Маше. В ту же Машу, по роману, страстно влюблен был разинчик Никита Петух, из-за чего, охвативший ревностью, он изменил атаману, предал Разина в руки Корнелия и его сторонников. Такой сюжетный поворот вызвал серьезные возражения, и в последующих изданиях писатель «распел» сюжетные ранее сюжетные нити, что пошло, разумеется, роману на пользу.

Сюжет, как и любое другое художественное средство в историческом романе, должен служить основному — выявлению исторической и художественной правды.

Язык эпохи

Стремясь воспроизвести колорит эпохи, исторические беллетристики наши, естественно, большое внимание уделяют языку.

Два направления обозначались у нас в художественно-исторической литературе по отношению к средствам языка — архаизаторски-стилизаторское, в числе представителей которого можно назвать А. Чапыгина, А. Югова, В. Языковича, и ориентировавшееся на живую народную речь (А. Толстой, В. Шинков, С. Злобин и др.).

Для первой группы писателей характерна ориентация на язык летописей, архивных документов, вообще на язык письменный. При этом не учитывается, что в прошлом, до Фоминина, Крылова и Пушкина, между языком письменным и языком разговорным существовал весьма ощутительный разрыв.

Что касается основной группы советских исторических беллетристов, то для них исходным пунктом является живой народно-разговорный язык.

А. Толстой не раз указывал, какое значение имело для него знакомство с пылкими записями, собранными проф. Новомбергским. В них писатель увидел «во всей чистоте русский язык, не испорченный ни мертвой церковно-славянской формой, ни усилиями превратить его в переводную (с польского, с немецкого, с французского) дожно-литературную речь. Это был язык, на котором говорили русские лет уже тысячу, но никто никогда не писал... Язык чистый, простой, точный, образный, гибкий, будто нарочно созданный для великого искусства».

Когда обращаясь в записям Новомбергского, то изумляешься, до чего близок язык XVII века: своей структуре к сегодняшнему нашему языку, в какой мере совпадают и синтаксис и основной словарный фонд. Правы поэтому писатели, которые, изображая давние времена, пользуются в основном современным языком.

Это не исключает, понятно, небольшой примеси архаизмов, не затрудняющих понимания текста и ярко выделяющихся на привычном языковом фоне. Таким путем писатель с успехом добивается передачи исторической перспективы, вводимой им в языковую ткань произведения.

К примеру, Иван Грозный у А. Толстого говорит о значении своей власти: «Аз емь единадержатель и ответ деру даже за каждую слезу вдовью». Конечно, тут нельзя вместо «Аз емь» сказать «Я являюсь». Торжественный церковнославянский обусловлен содержанием слов Ивана.

Но встречается и другое употребление архаизмов, когда старинное слово берется в своем бытовом значении. Так, в «Петре Первом» не раз попадается слово «чадо». Уже на первой странице романа мы читаем: «Чада прыгали с ног на ногу, — все были босы». Здесь мы снова имеем дело с выведением исторической перспективы в языковую ткань произведения.

Вопрос, стало быть, не в том, что одни писатели прибегают, а другие не прибегают к архаизмам. Суть в той функции, которую несет определенное словоупотребление.

Социалистический реализм возникает в историческом романе там, где художник смотрит на прошлое с высоты, на которую нас подняла социалистическая революция. Но не только в мировоззренческой позиции должны сказываться принципы социалистического реализма. Они должны пронизать собой все элементы содержания и формы. Это — обязательное условие нашего дальнейшего продвижения вперед.

Итоги конкурса на лучшую научно-художественную и научно-популярную книгу для детей

Министерство просвещения РСФСР проводит конкурс на создание научно-художественной и научно-популярной книги для школьного чтения школьников с учетом школьных программ и задач политического образования. Конкурс был объявлен на 1953—1954 годы двумя турнами с обязательным присуждением премии.

Жюри конкурса подвело итоги первого тура. На конкурс было представлено 386 произведений. Жюри присудило три первых премии, девять вторых и девять третьих.

Первые премии присуждены: А. Дорохову — за рассказы для детей младшего школьного возраста «Сто послушных рук», Н. Павлышковой — за книгу для детей среднего возраста «Юным любителям природы» и К. Глазкову — за книгу для детей старшего возраста «Голоса природы».

Вторые премии присуждены: А. Донченко — за книгу для детей дошкольного возраста «Петрушка и золотое яйцо» и «Голубой витник»; М

24 октября 1954 года исполнилось 5 лет со дня гибели выдающегося украинского писателя Ярослава Галана...

Дмитро Павлычко Ярослав Галану

В жизни не говорил я с вами — робел, молчал, стоял в стороне... И сегодня не знаю, с какими словами к надгробной плите приблизиться мне.

Наше слово к писателям

Так называется письмо группы рабочих, инженеров и служащих московского завода «Красный пролетарий» имени Ефремова...

В Ньюкасле

Нас поместили в маленьком отеле с величественным названием, в уютной комнате, подуманной и бедно обставленной.

Они сражались за Родину

Перед рассветом по широкому сухому хлыну с юга густой и теплой весенней восток. На дорогах отпотели скотанные ночным заморозком лужи талой воды.

КАК В США ЛИКВИДИРУЮТ ОСТАТКИ ДЕМОКРАТИИ

«До тех пор, пока не распущена сессия конгресса и он занят изданием законов, народ имеет основания опасаться», — с горечью писал в своей книге «Разум и право» известный американский буржуазный профессор права Коэн.

И действительно, у американского народа есть все основания для опасения. Особенно много этих оснований было в последнее время, когда заседал конгресс 83-го созыва, который, даже по словам буржуазных комментаторов, повел США далеко по пути фашизма. Фашистский провоз, который приобретает в стране доллара все более явный характер, наперед выражение в законодательной деятельности конгресса 83-го созыва.

Наиболее чудовищным из всех реакционных законов является так называемый «Закон о контроле над коммунистами от 1954 года», принятый конгрессом 20 августа и затем подписанный Эйзенхауэром.

«Мы охвачены неверием — неверием в самих себя, неверием в наш билль о правах, неверием в законность», — так характеризует обстановку политической истории, царящую в США, член палаты представителей Целлер. Чем руководствуются политические деятели, охваченные истерией? Целлер отвечает: «Обман перед коммунизмом является их единственной путевой звездой, загманивающей их разум и нарушающей их логику».

Политиканы «запутанным разумом», выражающие интересы наиболее реакционных и агрессивных сил американской буржуазии, заменяют остатки политических прав американского народа беззаконием.

Характерно, что критика законов, принятых конгрессом США, исходит в последнее время от представителей буржуазных кругов. Политические деятели и публицисты, которых отнюдь нельзя заподозрить в симпатии к прогрессивным взглядам, вынуждены признать, что серия антикоммунистических и антипрофсоюзных законов, изданных конгрессом, является попыткой законодательного аннулирования элементарных прав, провозглашенных конституцией США.

Остановимся на некоторых высказываниях.

Редактор журнала «Нейшн», юрист по образованию и адвокат по профессии, Кэри Макулдальс свидетельствует: «Мы имеем дело с систематическим, разнообразным наступлением на конституцию, с попыткой подорвать конституцию... Многие положения были о правах подвергаются сегодня прямой атаке».

Право на легальную деятельность политической партии американская буржуазная правовая доктрина считает производным от декларации свободы слова и объединений, содержащейся в первой статье билля о правах (первом дополнении к конституции США). Именно на первое дополнение к конституции ссылается член верховного суда США Блэк, возражая против «запрещения политических убеждений, свободы слова, собраний или партийной принадлежности».

В принятом конгрессом 83-го созыва законе предусмотрено, что на членов компартии должно распространяться действие всех положений и мер наказания, установленных «Законом о внутренней безопасности» от 1950 года (известным по имени его автора как закон Маккарена). Напомним лишь некоторые из многочисленных репрессивных мер, установленных этим законом. Прежде всего он санкционирует типичные для американского империализма сочетание уголовно-правовых методов расправы с принуждением к безработице и голоду, запрещая прогрессивным мыслящим людям находиться на государственной службе и даже работать в определенных частных предприятиях.

Закон Маккарена ввел в действие гнусное фашистское средство подавления свободы мысли — систему концентрационных

лагерей. Он дает возможность произвольно увеличивать срок тюремного заключения для прогрессивных граждан до любых размеров.

Закон о запрете коммунистической партии прямо указывает на возможность применения подобных чудовищных репрессивных мер к членам. Но что самое главное — запрещение компартии служит легальным прикрытием для преследования каждого, чьи мысли неугодны правящим кругам США. Это в равной мере относится и к лицам, не имеющим отношения к коммунистической партии. Известный журналист Киншер писал в журнале «Форум»: «С запретом коммунистической партии открыты пути для юридической преследования профсоюзных лидеров, прогрессивных политических деятелей и лиц, просто выступающих с критикой повседневных злоупотреблений. На повестке дня будут расследования, обвинительные акты, лишение свободы и преследования».

Не случайно особое место в новом законе отведено борьбе против профсоюзов, то есть, иными словами, против широчайших слоев американских трудящихся. Закон, в частности, дает возможность так называемому Управлению по контролю над подкупной деятельностью принять решение о лишении профсоюза права вести переговоры с предпринимателями об условиях труда, права заключения коллективного договора. Такая мера фактически прекращает деятельность профсоюзов. Для этого достаточно объявить, что профсоюз «сподобил под влияние коммунистов».

Реакционные круги США на протяжении долгого времени добивались этой цели. Так, когда корреспондент журнала «Юнайтед Стэйтс Ньюс энд Уорлд ринорт» еще несколько лет назад задал вопрос сенатору Хэмфри: «Вы имеете в виду, что лишение профсоюзов... С. 3.» права ведения переговоров явилось бы столь же эффективным, как их уничтожение?» — последовал ответ: «Совершенно верно».

В поддержку антипрофсоюзного законопроекта выступали крупнейшие американские монополии. Компания «Дженерал Электрик» направила по этому поводу сенатской комиссии ультимативное требование. «Американский клуб энд ридер корпорации» представила той же комиссии свои «рекомендации», выдержанные в антипрофсоюзном духе.

Фашистские законы принимаются не только конгрессом США, но законодателями штатов и местными властями муниципалитетов и округов. Еще до того, как конгресс США вынес решение о запрете коммунистической партии, эти мероприятия были осуществлены законодательными органами штатов Пенсильвания, Массачусеттс, Индиана. В апреле этого года в Техасе был принят закон, запрещающий коммунистическую партию и предписывающий заключение членом компартии в тюрьму сроком до 20 лет. В 23 штатах коммунистическая партия уже была лишена по закону права участия в выборах. Муниципалитет крупного промышленного центра Бирмингэма в штате Алабама принял постановление о высылке всех коммунистов в течение 48 часов за пределы города. За каждый день прострочки выезда установлено наказание: 180 дней тюрьмы.

Все эти варварские законы служат правовым прикрытием и средством наступления реакции на интересы и права американских трудящихся. Законы Смита, Маккарена и ряд других, принятые предыдущим конгрессом, вместе с реакционным законодательством конгресса 83-го созыва составляют арсенал юридического оружия для подавления прогрессивных и демократических сил страны. Миллионы простых людей в США видят в антиконституционных, профшистских законах угрозу для всего американского народа.

С. ЗИВС

ПОЛОЖЕНИЕ ПИСАТЕЛЕЙ В АВСТРИИ

ПИСЬМО ИЗ ВЕННЫ

Отто ГОРН, австрийский писатель

...Когда речь идет о положении писателей в Австрии, о реальных условиях их существования, нужно сказать о том, что представляет собой их «свобода», столь громко рекламируемая правящими кругами.

Рассмотрим сначала экономическую сторону вопроса, материальное положение писателей в Австрии. Писательская профессия относится в Австрии к числу так называемых «свободных профессий». Это означает, что каждый гражданин Австрии формально имеет право заниматься писательским трудом, не испрашивая для этого специального разрешения властей. На практике же это выглядит так: не являясь ни рабочим, ни служащим, писатель не входит ни в одну профсоюзную организацию, которая могла бы в какой-то мере защищать его интересы, в частности, во взаимоотношениях с владельцами таких частнокапиталистических предприятий, как издательства книг и газет. Писатель не имеет права претендовать на социальное обеспечение, однако он обязан, как любой фабрикант или торговец, платить подоходный налог и налог «с оборота», так как закон рассматривает его произведения как «товар», пускаемый в «оборот» с целью получения прибыли. Такое правовое положение писателя ставит его в очень тяжелые материальные условия, оставляя совершенно беззащитным в власти эксплуатационных его издательств и министерства финансов.

Имеются и другие причины материальной нужды писателей: капиталистическая система образования закрывает доступ к культуре широкому слою населения; высокие цены на книги (стоимость романа превышает дневной заработок рабочего) лишают трудящихся возможности их приобрести. И в то время как широкие круги демократической общественности совместно с писателями и воспитателями требуют создания общедоступных библиотек и проведения ряда других мероприятий для приближения к культуре широких масс населения, правительство лишь тормозит этот процесс. Так, при населении в семь миллионов художественные произведения редко печатаются тиражами, превышающими 3 000 экземпляров.

Следует еще отметить, что планы издательства, как правило, перенасыщены переводной литературой — американской, английской, французской, которой отдается явное предпочтение перед произведениями австрийских писателей, а книжный рынок Австрии наводнен книгами из Западной Германии, в том числе книгами реакционного характера. Самым же зловещим врагом настоящей литературы является бульварный роман, халтура, распространяемая в гигантских тиражах. Макулатура эта — главным образом западноевропейского происхождения; однако весьма значительное место занимает в ней переводы американских гангстерских и порнографических романов. Влияние этих книг особенно пагубно сказывается на молодежи, а наводнение ими книжного рынка усугубляет лишения австрийских писателей. Даже те писатели, произведения которых пользуются большим успехом, получают при годовом расчете с издательствами гораздо меньше, чем может заработать за такой же срок некавалифицированный рабочий.

Еще хуже обстоит дело с гонорами в газетах и журналах, представляющих собой основное поле деятельности литераторов, лишенных возможности печатать свои книги в издательствах.

По произведенным недавно подсчетам, на гонорар за литературный материал объемом в «средней» австрийской газете можно в лучшем случае оплатить лишь несколько обидов в дешевой столовой.

Итак, единственной «свободой», предоставляемой писателю, является свобода платить налоги. Свобода писательского труда сводится к возможности урывать для этого часы отдыха или сна. Эти факты нельзя недооценивать. Я убежден, что ма-

териальный гнет, заставляющий австрийского писателя отдавать много времени для заработка нелитературной работе — работе, без которой он погиб бы от голода вместе со своей семьей, лишил нас многих произведений, оставшихся ненаписанными.

А как обстоит дело с так называемой «интеллектуальной свободой»? В Австрии существует гигантский аппарат, фабрикующий травлю и бойкот писателей и деятелей искусства, примыкающих к прогрессивным организациям, открыто заявляющих о своей приверженности идеям мира и дружбы народов. Подобные кампании развиваются по двум направлениям: продажные бормонцы реакционной прессы открыто обрушиваются на прогрессивных деятелей с вымысленными, позорными их честь обвинениями, а за кулисами ведется шантаж и запугивание, направленные к подрыву материальных основ существования прогрессивного деятеля.

Широко известно, какой травле были подвергнуты борцы за мир профессор Брандвейнер и прогрессивный артист Карл Нариза. Недавно подобных примеров можно найти и среди писателей. Писатель Герман Шрейбер написал роман «Приют в темноте», в котором разоблачаются французский колониализм и «грязная война» во Вьетнаме. Как во Франции, так и в ГДР книга эта встретила полное признание. Сам же Герман Шрейбер, однако, поплачивается за этот успех потерей должности редактора библиотеки по поручению культуры «Гейтисе Франкфурт». Ему было отказано в визе на въезд во Францию. Он стал объектом яростных нападков со стороны многих профессиональных клеветников.

Несколько лет тому назад я попытался организовать в рамках «Союза демократических писателей и журналистов Австрии» группу молодых писателей. Сначала дела наши шли успешно. Мы добились издания двух сборников стихов, провели ряд коллективных чтиков. Между членами нашей группы сложились хорошие, товарищеские отношения. Однако вскоре в реакционной прессе, прежде всего в прессе правых социалистов, началась систематическая травля молодых писателей. Реакционная пресса окрестилась ее «московский плащадком в Австрии» и утверждала, что вся группа в целом, группа, в которой осуществлялось успешное сотрудничество представителей самых различных мировоззрений, является замаскированной коммунистической организацией. Вскоре травля приняла типичные для Австрии формы: правящие партии оказали на молодых писателей давление — одним угрожая экономическими репрессиями, другим предлагая должности библиотекарей в контролируемом правосоциалистической партией венском муниципалитете. В конце концов, после двухлетней борьбы группа развалилась. Несколько молодых писателей, входивших в нее, правые социалисты представили кое-какие должности и, хотя заработок их не превышает зарплат некавалифицированных рабочих, им все же заткнули таким образом рот. Возможности в отношении издания произведений отнюдь не стали больше, но и времени для писательской работы уже не оставалось.

Подобным же образом реагировало руководство правительственных партий, когда более двух лет тому назад намечалось объединение всех представителей австрийской интеллигенции в рамках так называемого «Общества культуры и науки». Этот проект возник по инициативе широчайших слоев интеллигенции, выражающей протест против смехотворно мизерных правительственных ассигнований на нужды

культуры. Это движение молодой интеллигенции намечало проведение массовых собраний и даже организацию демонстрации на главной улице Вены — Рингштрассе. Правительственные партии сначала были изумлены этой активностью интеллигенции, но затем они обратились к испытанным методам давления. Они не отступили ни перед бойкотом известных деятелей искусства и профессоров университета, ни перед экономическими репрессиями. Такими маневрами им удалось парализовать движение. Однако в отдельных организациях стремление к активным действиям становилось все настойчивее, и в конце марта 1954 года состоялось новое крупное выступление представителей культуры — давно намеченная демонстрация, потребовавшая от правительственных партий увеличения в бюджете будущего года ассигнований на культуру.

Австрийская интеллигенция оказывает сопротивление попыткам реакции подавить все прогрессивные тенденции в духовной жизни страны и приспособить деятелей культуры для осуществления целей стратегии атомной войны. В этой связи я хотел бы сказать несколько слов о крупных организациях писателей в Австрии. В правление австрийского Писательского клуба входит прогрессивный деятель Эрнст Фишер. Предпринятая недавно на одном из общих собраний этого правления попытка вытеснить Фишера из состава правления провалилась. «Союз демократических писателей и журналистов Австрии», основанный в 1945 году как организация писателей-антифашистов, был недавно преобразован в «Союз австрийских писателей». Хотя при этом некоторые из наиболее демократически настроенных писателей были выведены из правления, союз все же остается организацией, осуществляющей сотрудничество писателей на широкой демократической основе, и его не удалось превратить в покорное орудие проамериканской пропаганды.

В кругах интеллигенции все более зреет мысль о том, что деятели культуры должны следовать примеру рабочего движения. Если австрийская интеллигенция, австрийские писатели хотят вести успешную борьбу за свои права и австрийскую культуру, то они смогут сделать это только в союзе с рабочим классом. Без действительного контакта с трудящимися австрийские прогрессивные писатели никогда не создадут ту литературу, отсутствие которой остро ощущается в настоящее время, не создадут реалистических произведений, отражающих жизнь австрийского народа.

Наиболее передовые писатели Австрии уже начали налаживать такой контакт с рабочими и крестьянами. Однако сделанного в этом направлении пока еще недостаточно. Группа наиболее прогрессивных писателей еще не сумела установить постоянных дружеских и товарищеских отношений со всеми своими демократически настроенными коллегами, ее связь с австрийским рабочим классом также недостаточна, и, конечно, это находит свое отражение и в творческой деятельности этих писателей.

Зимой прошлого года по инициативе группы писателей-коммунистов был создан литературный клуб, где писатели систематически занимаются вопросами литературного мастерства.

Передовые писатели группируются также вокруг прогрессивного журнала по вопросам культуры «Тегебух».

Одна из важнейших задач передовых писателей состоит в укреплении дружественного союза со всеми трудящимися Австрии. Такой союз является залогом будущих успехов писателей в достижении нашей основной цели, которую можно сформулировать так: в борьбе за свои права создать национальную литературу, которая смогла бы достойно продолжать и развивать лучшие традиции австрийской литературы.

КОЕ-ЧТО О «ЛЕТАЮЩИХ БЛЮДЦАХ»

Время от времени буржуазная пресса капиталистических стран, в первую очередь США, распространяет сообщения о так называемых «летающих блюдцах», будто бы появившихся в том или ином районе. Чего только не говорили зарубежная реакционная печать по поводу «летающих блюдцев», каких только предположений — одно смогло бы заменить другое — не высказал! Назначение этих провокационных сообщений всегда одно: посеять среди населения страх перед мифической «угрозой с Востока», подогреть военную истерию.

Бывший шахтер, пенсионер из Бери-ле-Бетон (Франция) Виктор Дольжева, 60 лет, португалец по происхождению, зло подшутил над неслабыми распространителями лживых вымыслов. Он на свой лад разрешил тайну «летающих блюдцев». Он... изготовил их сам!

Дольжева тайно запустил в небо монгольфьеры из плотной бумаги с зажатой паклей внутри. Они взлетали и двигались по ветру, окруженные желтоватым и оранжевым отблеском, имея весьма загадочный вид и интригу жителей соседних местечек... Одно из «блюдцев», приземляясь, чуть было не подожгло стол соломой. И тогда жандармы разыскали виновника и обязали Виктора Дольжева прекратить изготовление монгольфьеров.

На снимке сверху: «летающее блюдце» Дольжева подготавливается к запуску; на снимке внизу: Виктор Дольжева весело смеется, читая сообщения буржуазной прессы о «летающих блюдцах»... Снимки французского агентства Интерконтиненталь.

В Ньюкасле

(Окончание. Начало на 3-стр.)

Я пишу нашему гиду фамилию генерального предшественника Стефенсона, он бросает на буквы безразличный взгляд.

— Может быть, вы помните маленький локомотивчик, который был вез в зубных колесах, его поршневой шток был вынесен вперед, а сади помещалось большое маховое колесо...

Я черчу ему схему паровоза, и вдруг он говорит:

— Это множество колес напоминают круги на небесных сферах Птолемея: такая же путаница, а в действительности все значительно проще.

Великодушие и глубокое сравнение! — Кто был этот изобретатель? — спрашивает мистер Кей.

Я рассказываю нашему гиду о могучем «капитане Диксе», который характером и повадками напоминал Бенвенуто Челлини и был столь же гениален в технике, сколь тот в искусстве.

Ведь он жил в Уэльсе? — говорит мистер Кей. — Нет, я ничего не знаю о нем... Мы ядем дальше. Вот зал, где собраны искусно сделанные модели судов.

— Вы, вероятно, полагаете, — сказал мистер Кей, — что в нашем музее нет ничего о России?

В стеклянном ящике мы видим паровую баржу, приспособленную для того, чтобы перевозить поезда железной дороги через... Воздух. На ней русскими буквами написано: «Саратовская переправа 1895 г.». Рядом, под стеклом, вставляется другое, еще более основательное судно: «Байкал». Оно было предназначено для транспортировки поездов через великое сибирское озеро.

— Ньюкасл, — сказал мистер Кей, — один из тех городов Британии, которые были в самых оживленных торговых отношениях с Россией. Тут строились многие суда для русского флота, изготовлялись судовые машины, механизмы, приборы... О, это старые дружеские связи.

И он показав на большую картину, повешенную над входом. На картине несколько военных судов шло по бурному морю. Это были паро-парусные корабли, заказанные русским правительством фирме «Митчел и Бомпаниа» в конце прошлого века. —

«Русалка», «Смерть», «Чародейка», «Гняз Пожарский» и «Не тронь меня».

Невольно возник вопрос, поворачивает ли подобный рода живопись тем, кто запрещает английским фирмам продавать нам не только военные суда, но даже и мелкую проволочку, считая ее «стратегическим товаром»? Но подобные вопросы вряд ли удалось бы решить нашему гиду, ибо они связаны с тем «табу», которое строго соблюдается многими в Британии: не говорить об американцах.

На следующий день за утренним завтраком мы, как всегда, разбирались в утренних газетах. Илья Петрович Д.—экономист, приехавший сюда по торговым делам, отмечал что-то в таблицах «Таймс», мой спутник просматривал местную прессу. Вдруг он расправил газетную страницу:

— Вот забавная статья! В «Ньюкасл джорнал» на видном месте было напечатано: «Объединение судостроительных компаний для взаимной поддержки в борьбе за заказы».

Далее сообщалось, что шесть компаний — судостроительных, судоремонтных, машиностроительных — сливаются в «Сандрлендскую компанию сухих доков и машиностроения».

«Новый комбинат», — уверяла газета, — нужно считать идеальным средством для борьбы с конкуренцией, которая должна еще более усилиться в течение ближайших двух лет».

— Хорошо им, — сказал Илья Петрович, расплывшаяся покров розовую подкову бекана, полную янчиком.

— Но ведь конъюнктура у них в этом году лучше, чем в прошлом? — Ну, это отнюдь не значит, что она хороша или даже удовлетворительна. Видите: «идеальное средство для борьбы с конкуренцией». А конкуренты им поджирают янтки.

— Американцы? — Американцы держат их за горло, это другое. А янтками занимаются западные немцы и японцы. В Англии зарплата значительно выше, чем в этих странах, и продукция обходится дороже, вот они и не выдерживают конкуренции. Наконец, они боятся американцев, как боятся все-

кий неоплатный должник своего ресторана.

— Вы преувеличиваете, старина! Ведь они попросту эксплуатируют почти даровое сырье колоний...

— Это верно, за последний год они даже снизили цены на сырье на 12 процентов, то есть уценили грабеж колоний. Но, доказав, это говорит не о благополучии, а о беде. Известно ли вам, что впервые в истории Англии метрополия должна своим колониям громадную сумму денег?

— Ну, и где же выход?

— Один думает, что выход в новом нажиме на колонии, то есть продолжении грабежа. Но ведь для этого нужно мировое господство, а такого давно уже нет. Другое считают, что грабить можно и не в качестве атамана, а его первого зама...

— А вы как думаете?

— Э, дулки! Разоймитесь сами. Поезжайте в доки, там вы увидите, так сказать, пейзаж конъюнктуры.

В газетах были и еще интересные новости:

«Русские осматривают паролот на Тайне...»

Подзаголовки комментировали эти сообщения. В них звучала надежда:

«Русская заинтересованность в британских судах может увеличиться?» Они выражали радость:

«Продажа британских судов облегчается!»

Далее следовали подробности:

«Чиновник в доках заявил нашему корреспонденту, что русские представители провели некоторое время на борту парохода».

И комментарии:

«Насколько можно понять, есть возможность, что судно может быть продано».

«Может», «может», — говорит брагитно Илья Петрович. — А от кого зависит это «может»? От их же чиновников. Ведь до сих пор они запрещали провозить суда новейшей постройки и давали лицензию только на старую рухляк. Американцы их пугают, что, того и гляди, на новых судах мы высадим десант в Лондоне. А немцы нам готовы продать в любой момент суда новейшей постройки.

Вот и будут англичане сидеть у моря и ждать погоды. Поезжайте в доки.

Шоферы молочных фирм развозили на лизаках молоко, оставшая бытлык в поддонах, почталовы кляли рядом газетой. Мелкий дождь моросил, и все было как будто обернуто в целлофан — асфальт, травы, вывески.

Мы сразу выехали к реке. Дома кончались, и мы очутились в голубоватой пустоте. Казалось, мы попали в бутылку с газированным туманом, только вместо пузырьков газа вокруг нас снова лизульки дождя.

Предшествующие мистером Роузом, работником фирмы, связанной с нашим судостроением, мы стали спускаться, держась за перила, в полном неведении всего окружающего. Тотчас оказалось, что мы уже на пароме. Контрабандный гудок заложил нам уши, и мы тронулись. Вдруг ветер налетел и дождь прекратился. Визу я увидел черные снны зонтиков и машин. Потом стала видна голубовато-бежевая вода. Потом туман, как в театре, возлетел к небесным колосам, и выисидлось, что мы поперек реки. Непьющее солнце прорывилось сквозь голубую дымку огромных оранжевых паромов, а вокруг, сколько хватал глаз, от берегов к горизонту уходили мачты, краны, трубы, краны, мачты... Ни домов, ни колоколен, ни мостов... Скорее это было похоже на стюаж в открытом море всякого плавающего добра. Кажется, весь торговый флот планеты мог иридти сюда и разгрузиться за несколько часов.

Мистер Роуз сообщил нам, что доки Ньюкасла и прилегающих городов таунтс по реке Тайн на 14 миль по обим берегам.

Мистер Роуз был небольшого роста, бледный и неулыбчивый человек с водянистыми близорукими глазами, одетый в поношенную твидовую пару неопределенного цвета. На усталом худом лице мистера Роуза было выражение готовности и испуганности. Оно исчезало только тогда, когда его глаза обращались к мальчугану лет двенадцати, его единичке, не отстававшей от нас ни на шаг. Тогда становилось ясно, что мистер Роуз год сменить, угодить, убраться и работать, работать не покладая рук, лишь бы маленькому Чарли жилось хорошо и в будущем было легче, чем отцу.

Вскоре мы высадились, и мистер Роуз повел нас по докам.

Мы выходили из машины, оглядываясь вокруг, выслушивали объяснения нашего проводника и ехали дальше. Мистер Роуз говорил непрерывно.

Он объяснял, что вы там будут строиться ширсы, вот здесь будут построены новые склады, что это место реки будут углублять... Следя за его жесткими указательным пальцем, я вволю видел горизонт, исчерченный ажурными переплетами кранов, и с трудом представлял себе будущие сооружения, о которых говорил мистер Роуз. Но я отчетливо видел, что все краны стоят. Я спросил об этом нашего гиду.

— Сегодня неудачный день для осмотра, — затормозил он с объяснениями, — вероятно, все работы уже выполнены и следует ждать новых грузовых судов...

Мистер Роуз быстро взглянул на сына, потом на нас и еще больше затормозился. Мы проходили по совершенно безлюдным дебаркадерам, останавливаясь перед эстакадами, возле которых в движении была только вода, лениво облизывавшая скользя от мха деревянные устои.

— Это старые эстакады, — объяснял мистер Роуз, — они будут разрушены. На их месте будут построены новые.

— Но ведь они вполне пригодны для работы?

— Это старая конструкция. Многоэтажные склады были пусты. Краны, стоявшие вдоль них, хотя и старой конструкции, могли бы работать, за исключением эти грандиозные кирпичные ящики, топарма, материалы, зерно, но... мистер Роуз заперл нас, что все это будет полной замены и только потому вокруг так пустынно и так тихо.

— А скажите, мистер Роуз, если мы приедем завтра или, например, дня через три, вы сможете нам показать настоящую работу в порту?

— О, это очень трудно предсказать, когда будет настоящая работа. Возможно, что дня через два, а может быть, и позже. Сейчас летний сезон...

— А разве летом торговля замирает?

Главный редактор Б. РЮРКОВ. Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Г. ГУЛИЯ, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), А. КРИВИЦКИЙ, В. ОЗЕРОВ (зам. главного редактора), К. ПАУСТОВСКИЙ, Н. ПОГОДИН, С. СМОРНОВ.